

УДК 32.019.51

МЕНТАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ОРИЕНТАЛИЗМА

Мазаев Р. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Email: ruX12345@gmail.com

В статье рассматривается процесс формирования культурных стереотипов относительно культурно-географических областей, т.н. «ментальная география». Утверждается, что система репрезентаций, на основе которых возникают стереотипы, воздействует на разные сферы общественной жизни, влияет на представления о социальных группах, институтах, символах и проч. В статье рассматривается возникновение образов Востока (Orient) и Восточной Европы как принципиально важных феноменов ментальности западноевропейского общества. Механизм формирования образа Другого в любой культуре связан с собственными знаниями и, прежде всего, потребностями в объяснении характера иной культуры и противопоставления себя ей для выработки собственной идентичности. Для западноевропейского общества процесс формирования западной цивилизации, таким образом, был напрямую связан с оформлением образа Другого в лице Востока, а также буферной зоны Восточной Европы. Важно отметить, что в случае западноевропейского общества, ставшего со времени «длинного XVI века» ведущим, концепция репрезентации, а точнее ориентализма, становится основанием для колониальной экспансии и формирования представления о своей исключительности.

Ключевые слова: Ориентализм, репрезентация, колониализм, Восточная Европа, Восток

Обращаясь к проблематике соотношения культур и локальных цивилизаций, всегда требуется задавать вопрос: что является предметом сравнения? Представление об определенной цивилизации есть результат довольно грубой генерализации, выделения черт, присущих отдельным культурам, так сказать, «культурных частностей». Эмпирически, индуктивным путем формируется некий образ в качестве образца для понимания всего того содержания, которое вмещает в себя культура, подвергаемая этой генерализации [1, С. 9–10]. К этой проблематике, относящейся к истории идей, а точнее области ментальной географии, своеобразным ключом является работа американского исследователя палестинского происхождения Эдварда Вади Саида «Ориентализм».

Книга Э. В. Саида чрезвычайно спорная, критически оцененная как со стороны академической публики, политического истеблишмента Запада, так и со стороны восточных интеллектуалов [2, С. 69–70]. Но для нас основной проблемой этой работы является то, что выводы Саида практически невозможно верифицировать. Концепция, выдвигаемая исследователем, относится к тому, что представление о

Востоке (Orient) [Прим. 1] в умах западных ориенталистов являет систему репрезентации знания, причем знания развивающегося на скрытых заданных предпосылках кумулятивным путем [1, С. 318–319]. Из этого следует, что для возможности опровержения выводов Э. Саида, у нас отсутствуют источники, поскольку они, по мнению Э. Саида, заключают в себе общий принцип, якобы не имеющий реальных точек соприкосновения с Востоком (East) [3, С. 241–242]. Пожалуй, возможность для критики имеется лишь в отношении самой методологии исследования ориентализма, а не сделанные в его рамках выводы.

Понимание концепции ориентализма требует анализа ряда методологических предпосылок, на основе которых она исследуется. В соответствии с введенным М. Фуко в работе «Археология знания» [4, С. 45–46] тезиса о связи знания и власти и «воли к знанию», предметом любой гуманитарной науки является «политическое», поскольку любой предмет исследования прямо или косвенно находится в сфере отношений власти и подчинения. Из этого следует, что построение любого нарратива, связанного с тем или иным объектом исследования, есть акт, находящийся в рамках дискурса власти, то есть познание объекта — презентация феномена именно как предмета познания — есть не что иное, как ментальный аспект подчинения.

В этом отождествлении подчинения и познания, методология изучения феномена ориентализма находится в соотношении с концепцией культурной гегемонии А. Грамши [5, С. 426–427]. Состоит она в том, что культура доминирующей социальной общности есть одно из орудий угнетения и подчинения, являющее себя через посредство образовательных и культурных институтов. Социальная общность (у Грамши — класс), попавшая под влияние идеологической гегемонии, становится не только зависимой из-за собственных стремлений к подражанию и подчинению, но и также и потому, что это есть некий риторико-политический аргумент, элемент дискурса власти доминирующей социальной общности, который обосновывает политическое подчинение общности зависимой.

Закрепление культурного стереотипа осуществляется через посредство системы репрезентаций, то есть в формировании метанарратива, суммы предпосылок, которые оказываются базисом для суждений об объекте познания и политических действий. Осуществляется этот процесс благодаря кумулятивному развитию представлений, когда создание нарратива происходит на основе ряда концепций и стереотипов, эпистемологических посылок, содержащихся в первоначальных нарративах [1, С. 35–36]. Таким образом, отдельные области знания, в том числе знания о Востоке (Orient), оказываются закрытой, герметической традицией.

Знание, передаваемое в рамках этой традиции, оказывается стереотипом, эссенциализированным представлением, преподносящим определенные выдвинутые на первый план носителями этой традиции (ориенталистами: исследователями, политическими экспертами, путешественниками-авантюристами, писателями и так далее), и затем закрепленными в ней. В данной ситуации система репрезентаций и порождаемый ею образ приводят к тому, что реальность начинает подгоняться под существующие лекала. В том случае, если реальное явление не соответствует эссенциализированному образу, то это явление объявляется

девиантным, тем самым оно оказывается не репрезентативным. Так в соответствии с концепцией ориентализма в период империализма, когда «восточный человек» объявлялся *всегда* объектом, *всегда* живущим в деспотии, *всегда* зависимым от власти, то любое недовольство, бунт или даже просто проявление культурной самостоятельности оказывались явлением не естественным, не восточным, а происходящим из чуждой Востоку (Orient) почвы.

Из этих посылок вытекает, что формирование образа Востока (Orient), даже в академической среде, оказывается связанным скорее не со стремлением к знанию и его ретрансляции, но с тремя позициями: А) образом, который транслирует традиция ориентализма; Б) целями, поставленными перед собой автором текста; В) ожидаемой автором реакции читателя на текст [1, С. 319–320].

Рассмотрев методологические предпосылки формирования образа Востока (Orient), следует перейти к определению самого образа, который может быть рассмотрен как со стороны функциональной, так и эпистемологической (они находятся в неразрывном единстве). В идее Востока (Orient), можно выделить три аспекта:

Восток как средство формирования идентичности есть образ Другого, он находится в экзистенциальной пропасти по отношению к обобщенному Мы. Восток (Orient) оказывается средством формирования идентичности Запада, тем зеркалом, в котором Запад усматривал самого себя. Очевидно образ Другого наполнялся отрицательными характеристиками, формируя бинарную оппозицию Мы - Они. «Мы», западные люди, свободны, рациональны, сдержанны, а восточный человек рабски покорен, иррационален (даже если может быть мудрым), а его жизнь наполнена контрастами перепадов от строгости и ригоризма к развязности и любострастию [1, С. 628–629].

Восток как предмет антикварного и литературного интереса. Реальный Восток (East) замещается эссенциализированным образом, который становится некоей ментальной областью, наполняемой сюжетами, представлениями, персонажами, создаваемыми на основе фантазии европейского автора. То есть Восток (Orient) становится фоном для развития фабулы европейского нарратива, имеющего значение и являющимся предметом интереса лишь в рамках западноевропейского дискурса Запада.

Восток как единство реального геополитического объекта и объекта угнетения средствами колониальных институтов и идеологической гегемонии. Характер эссенциализированного образа Востока (Orient), с одной стороны, оправдывает колониальную эксплуатацию, с другой, является структурной матрицей для формирования представлений о Востоке (East), на основе которых строится стратегия держав в его отношении [1, С. 632–633].

Ориентализм в виде суммы знания выступает в двух аспектах, впрочем, не имеющих четких границ и составляющих единый дискурс о Востоке:

1. Явный ориентализм, совокупность позитивных знаний о Востоке (East), выступающих как актуальный дискурс о Востоке (Orient), как то, чем является сам этот образ, его текстуальная материя.

2. Скрытый ориентализм, набор потенциалов как базис, на котором строятся представления о Востоке, как общность знаний, которая выступает в виде обобщенных позиций в процессе кумулятивного развития знания о Востоке [1, С. 316–317].

Все указанные формы ориентализма образуют общий дискурс о Востоке (Orient), в рамках которого нельзя диахронически выделить порядок взаимодействия его элементов, поскольку он представляет собой связную систему, развитие которой имеет кумулятивный характер. Однако в этой системе мы можем обнаружить механизм аргументации, имеющий, прежде всего, познавательную ценность и демонстрирующий взаимосвязь элементов дискурса о Востоке. Яркий пример этого дает Э. Саид на материале речи Артура Джеймса Бальфура 13 июня 1910 г. в Палате Лордов по проблеме отношения правительства Великобритании к устройству оккупированного Египта. Структура этого отношения такова:

1. Восток становится для Запада предметом изучения и познания и как объект познания он зависим от Запада. Так Запад оказывается в позиции власти по отношению к Востоку [1, С. 52–53].
2. В силу того, что Запад имеет такое знание о Востоке, которое указывает на то, что Востоку свойственно быть в положении подчинения, значит, ему и следует находиться в деспотическом повиновении. Этот факт оправдывает вмешательство Запада, делает его не эксплуататором, но заботливым попечителем о благе Востока (East) на основании своих представлений о Востоке (Orient) [1, С. 56].
3. Знание и власть над Востоком (как Orient, так и East) дает право и авторитет Западу заявлять о том, что ему (Западу, а точнее представителям колониальной системы), лучше известна сущность Востока и путь к его благу. Тем самым Востоку (East) «затыкается рот», эссенциализированная сущность Востока (Orient) становится неизбежным образцом и призмой для восприятия его реальных представителей. Несогласие с этим образцом есть отклонение, а значит наказуемо со стороны Запада как попечителя Востока [1, С. 61].

Однако взаимоотношение образа Востока в представлении людей Запада (Orient) и Востока действительного (East) не статично, но подвержено изменению в связи с изменениями в области политики и геополитики, развитием научного знания о Востоке и преобразованием мировоззрения представителей цивилизации Запада. Так, в конце XIX века на ориентализм оказывали воздействия открытия в трех основных областях научного знания: *историко-филологические* исследования: обнаружение цивилизаций Древнего Востока и расшифровка их языков; *география*, исследования в области которой направляли геополитические интересы колониальных держав на Востоке; *эволюционная биология*, являющаяся базисом развития концепции социал-дарвинизма, оправдывающего номинацию западного общества над восточным [1, С. 344–345].

В XX веке вектор отношения к Востоку изменился, началось подлинное открытие Востока (East) для Запада. Сам Восток модернизировался, начинал все более уверенно говорить от своего лица, но и в рамках западного ориенталистского дискурса произошли изменения во взглядах Западной цивилизации на Восток.

Политика колониальных стран на Востоке все чаще базируется на непосредственных отношениях с местными элитами, в связи с этим колониальная администрация направляет свои усилия на поддержание местного управления и формирование социальной иерархии в локальных обществах. Эта черта колониальной политики накладывает отпечаток на характер востоковедения, когда исследования восточных народов становятся политически актуальными, предметом интересов исследований все чаще становится общество современного Востока (East), отживают устаревшие, «антикварные» ориенталистские стереотипы. Меняются и сами исследователи, появляется слой экспертов, имеющих научные знания о Востоке, но решающих практические политические, административные и военные задачи. Яснее становится связь науки и гегемонии западной цивилизации, но происходит и раскрытие Востока реального (East), чей образ в большей степени начинает соотноситься с реальностью [1, С. 373–374].

Эта тенденция привела к тому, что Восток (East) получил право на историю, современный Восток не только связывается с Востоком древним, но становится очевидным то, что у Востока есть будущее, Восток может развиваться, модернизироваться. Однако модернизация обычно понималась как западным миром, так и большинством локальных элит в форме вестернизации, то есть Запад предписывал путь развития Востоку, постулировалось эссенциализированное представление о будущем Востока. О будущем в качестве восточного подобия Запада [1, С. 381].

Однако вместе с тем, как East выходил из рамок Orient, разрушая его, Восток оставался все так же Другим для западного «Мы», одновременно тем, как прежде восторженная интроспекция европейца сменилась саморазрушающим анализом и скепсисом межвоенной эпохи [6, С. 129–130]. Восходящий Восток (East) начал вызывать страх у увядающей Европы, следствием чего стало формирование тенденций к усилению ксенофобии, самым ярким из которых явился так называемый «научный расизм» в нацистской Германии [1, С. 384–385].

Образ самого себя, сформированный Западом – образ «Белого Человека» – появился впервые ещё в XVII веке в связи с торговлей рабами Испанской империей, позже был закреплен и упрочился в европейском сознании лишь два столетия спустя [7]. Этот образ, как и образ Востока, есть результат эссенциализации определенных черт европейского человека как представителя господствующего общества. Формирование расологии создавало нового рода область знания, а значит, и форму власти над самой сущностью человека. Европейская расология давала возможность типологизации популяций человечества по произвольным признакам, что, в свою очередь, давало возможность приписывать этим типам отличия, определенные задатки и характеристики, якобы сущностные для тех или иных человеческих рас [8, С. 244–245].

В этом контексте правильным человеком оказывался «белый человек», эта идея становилась оправданием осуществления колониального господства, угнетения небелых народов во благо представителей белой расы. Таким образом, концепция «белого человека» тем самым подразумевала и наличие «небелого человека». Эта дихотомия оправдывала расизм и сегрегацию, давала (псевдо-)научные основания

для угнетения колониальных народов, создавала их образ, якобы основанный на точном эмпирическом знании [9, С. 24–25]. Следствием этого была уверенность западного человека в том, что его отношение к Востоку (East), колониальное угнетение не есть что-то естественное или неправильное [1, С. 351].

Рассмотрев характер использования образа Другого, следует обратиться к вопросу: каким образом конструируется этот образ? Конкретного ответа Э. Саид не дает, он не является его целью, к тому же ориентализм является концептом столь древним, что рассмотрение процесса его развития во всей полноте – дело трудное [10, С. 31].

Проблему формирования иного концепта ментальной географии – представления о Восточной Европе – освещает Л. Вульф в своей работе 1994 года, использующей методологию Э. Саида. Применение образа Другого западной цивилизацией в отношении той области, которая после открытия в XVIII веке приобрела название Восточной Европы [Прим. 2], имеет геополитический подтекст, в котором так же можно уловить отношение к ней как к объекту познания и политической активности. Упомянем планы Наполеона по формированию в Восточной Европе барьера от Российской империи или бомбежки Югославии в 1990-х гг. В рамках западноевропейского дискурса Восточная Европа оказывалась неким недоразвитым придатком Западной Европы, это мнение принимается и зависимыми от западного дискурса элитами, стремящимися к самоопределению в качестве Центральной Европы [12, С. 32–33].

Средством формирования представления о Восточной Европе была ментальная география или, как ее называли сами просвещенные европейцы, география философическая [12, С. 42]. Она позволяет рассматривать территории не как географические данности, но создавать, используя собственные критерии (цивилизованность), границы областей [Прим. 3]. Причем наполнение выделенных областей было настолько же результатом фантазий или намеренных искажений, насколько и сами границы этих ментальных территорий. В отношении к Восточной Европе (или Европейскому Востоку) постулировался концепт ориентализма, не поглощая полностью то западное, что было в восточной окраине Европы. Таким образом, создавалась некая буферная зона между Западом и Востоком – зона Другого, но не очень чуждого [12, С. 63–64].

Этот образ поддерживался системой скрытых репрезентаций: например, использование образов из истории Карла XII, написанной Вольтером, никогда не бывавшем восточнее Берлина. В ней он на основе ряда воспоминаний и, в ещё большей мере, собственного воображения, создает картины Восточной Европы [12, С. 149–150]. Но также в ходу были и цитаты из описаний полуварварской Восточной Европы путешественниками [12, С. 83].

Мерилом в отношении любого народа для человека эпохи Просвещения становилась цивилизованность (civility) [12, С. 46], она должна была быть неким объективным критерием, позволяющим сравнивать общества всех жителей земного шара. Однако, как и в отношении концепции ориентализма, налицо явная подмена, бросающаяся в глаза при рассмотрении описаний Восточной Европы западноевропейскими авторами. Цивилизованность оказывается тождественна

манерам, быту, костюму западноевропейских элит, отличия объявлялись варварством [14, С. 327; 15, С. 259-264]. Культурный эгоизм приводил к осуждению иной культуры [Прим. 4] и навешиванию на нее ярлыка недоразвитой, не достигшей уровня Западной Европы.

В таком рассмотрении восточноевропейское общество оказывалось настолько цивилизованным, насколько вестернизированным в области нравов. На практике этот принцип приводил к тому, что культура тех слоев восточноевропейского общества, которые не были затронуты западным влиянием, объявлялась нецивилизованной и варварской - естественно, имелась в виду культура низших слоев общества. Здесь кроется подмена, когда неустроенность и бедность объявляется не следствием приниженного социального положения, но варварством самого общества, его сущностной чертой [12, С. 79–80; 421–422]. Этот прием давал обильный материал для европейских путешественников. Страны Восточной Европы становились ареалом получивилизованной-полуварварской жизни, в которой смешивалось все: время, пространство, народы, нравы, обычаи, костюмы и верования [12, С. 517].

Из «смешанности» характера жизни в Восточной Европе выводились всевозможные ее недостатки: болезни, непримечательная внешность ее обитателей, их нравы, отсутствие наук и слабое экономическое развитие [17, С. 98–99]. Достоинства же, наоборот, объявлялись результатом выхода этих народов из мрака, приобщения их к Западу, а, следовательно, к цивилизации.

Таким образом, представление о Другом, накладываемое на реальный объект восприятия, на действительную географическую область и населяющие ее народы, формирует бинарную оппозицию, позволяющую конструировать собственную идентичность Западной Европы [1, С. 516–531]. Формирование образов Востока (Orient) и Восточной Европы послужило для западного мира механизмом осознания себя и средством самосозидания.

Примечания

В своей работе Э. Саид вводит удобный терминологический принцип. Представление о востоке обозначается словом «Orient», реальный восток, как материальная данность, именуется «East» [1, С. 13–14].

Вплоть до конца XVIII века подобное представление навряд ли могло бы иметь место, поскольку «ось цивилизации» на протяжении позднего Средневековья и раннего Нового Времени была ось юг-север. Именно холодные Скандинавия и Тартария, располагавшиеся на севере ментальной карты Европы, являлись землями дикого варварства. Ось Запад-Восток была сформирована лишь к XVIII веку, чему способствовало «открытие» Восточной Европы [11, С. 45–46].

Известно, что Прага находится на 135 километров западнее, чем Вена, однако столица королевства Богемии оказывалась городом восточноевропейским. Движение к ней на ментальной карте было следованием на Восток, поэтому даже любимый в Праге Моцарт воспринимал, иронично, свои три знаменитых поездки

как путешествие на Восток, требующие его перевоплощения и присвоения себе имени на «варварский» манер – Пункититити [13, С. 201–202].

Примечательно, что сравнение с варварами и дикарями применялось представителями высшего света в Западной Европе и к собственной черни, причем эта тенденция сохраняется и в XIX веке. Так Оноре де Бальзак пишет, что: «В силу своего общественного назначения крестьяне живут чисто материальной жизнью, весьма близкой к дикарскому состоянию, чему способствует и постоянное общение с природой. Труд, изнуряющий тело, отнимает у мысли ее очищающее действие, тем более у людей невежественных» [16, С. 65].

Список литературы

1. Саид. Э. Ориентализм / Пер. А. В. Говорунова. – М.: «Русский мир», 2006. – 636 с.
2. Цибенко В. В. Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 77. – С. 69–73.
3. Коришкова А. О. Анализ критических подходов к концепции ориентализма // Труды исторического факультета БДУ. – 2014. – № 9. – С. 241–245.
4. Фуко. М. Археология знания / Пер. М. Б. Раковой. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с.
5. Грамши А. Избранные произведения. / Пер. З. Н. Мелешенко. – М.: Издательство иностранной литературы, 1991. – Т.3 Тюремные тетради. – 571 с.
6. Kershaw I. To hell and Back: Europe 1914-1949. – New York: Penguin Random House LLC, 2015. – 624 p.
7. Cahill D. Colour by Numbers: Racial and Ethnic Categories in the Viceroyalty of Peru // Journal of Latin American Studies. – 1994. – № 26. – P. 325–346.
8. Rutledge M. D. Social Darwinism, Scientific Racism, and the Metaphysics of Race // The Journal of Negro Education. – 1995. – Vol. 64. – № 3. – P. 243–252.
9. Jahoda G. Towards Scientific Rasism // Race and Racialization: Essential Readings / Edit. By Carl E. J. – Toronto: Canadian Scholar's Press Inc. – 2007. – P. 24–31.
10. Алаев Л. Б. Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 1. – С. 30–37.
11. Плещиньски А. Славяне в немецкой литературе XIII в.: проблемы восприятия / Пер. А. Е. Алимова // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2018. – №23. – С. 42–70.
12. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение. – 2003. – 560 с.
13. Nettl Paul. Mozart in Bohrenen, neubearbeitete und erweiterte Ausgabe von Rudolf Freiherrn von Prochazkas Mozart in Prag. – Prague: Verlag Neumann. – 1938. – 378 s.
14. Россия XVIII в. глазами иностранцев / Под ред. Ю. А. Лимонова. – Л.: Лениздат. – 1989. – 535 с.
15. Батяева Т. А., Горьковская З. П. Контексты восприятия страны иностранцем, пребывающим в России в царствование Екатерины II // Образование в истории, история в образовании. Материалы конференции (Новосибирск, 13-15.04.2011). – Новосибирск: Изд. Новосибирского государственного педагогического университета. – 2011. – С. 259–264.
16. Бальзак Оноре де. Собрание сочинений в 24 томах / Пер. М. Линда. – М.: Правда, 1960. – Том 18. Крестьяне. – 606 с.
17. Гунякова И. В. Записки У. Кокса как источник по истории России XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 304. – С. 98–101.

Mazaev R. M. Mental Geography of the Western Civilization and the Problem of "Orientalism" // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 136–145.

The article deals with the problem of the formation of mass cultural stereotypes in relation to cultural and geographical areas, that is, the mechanism of action of "mental geography". Deconstruction of the system of

representations is carried out, on the basis of which the formation of a sustainable understanding of any reality phenomenon takes place. In fact, the system of representations affects all sorts of phenomena of social life, ideas about social groups, institutions, symbols, and so on. However, in the article, as examples, we will consider the problem of the emergence of images of the «Orient» and «Eastern Europe» as fundamentally important phenomena of the mentality of Western European society. The mechanism of the formation of the image of the «Other» in any culture is associated with its own knowledge and, above all, the need to explain the nature of a different culture and to oppose oneself to develop one's own identity. For Western European society, the process of the formation of «Western civilization», thus, was directly related to the design of the image of the «Other» in the face of «Orient», as well as the buffer zone of «Eastern Europe». It is important to note that in the case of Western European society, which has become the leader since the «long XVI century», the concept of representation, or rather «Orientalism», becomes the basis for colonial expansion and the formation of the idea of its exclusiveness.

Keywords: Orientalism, representation, colonialism, Eastern Europe, East

References

1. Said Je. Orientalizm [Orientalism]. Translated by A. V. Govorunova. Moscow, «Russkij mir», 2006. 636 p.
2. Cibenko V. V. Mezhdru orientalizmom i orientologiej: nauchnye podhody k izucheniju Kavkaza [Between Orientalism and Orientology: Scientific Approaches to the Study of the Caucasus]. Nauchnaja mysl' Kavkaza [The Scientific Thought of the Caucasus], 2014, № 77, P. 69–73.
3. Korishkova A. O. Analiz kriticheskikh podhodov k koncepcii orientalizma [Analysis of Critical Approaches to the Concept of Orientalism]. Trudy istoricheskogo fakul'teta BDU [Works of the Faculty of History of the Belarusian State University], 2014, № 9, P. 241–245.
4. Fuko M. Arheologija znanija [The Archaeology of Knowledge]. Transl. by M. B. Rakova. Saint-Petersburg, Gumanitarnaja Akademija, 2004, 416 p.
5. Gramshi A. Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Transl. by Z. N. Meleshhenko. Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1991, Vol.3 Tjuremnye tetrad [Prison Notebooks], 571 p.
6. Kershaw I. To hell and Back: Europe 1914-1949. New York, Penguin Random House LLC, 2015, 624 p.
7. Cahill D. Colour by Numbers: Racial and Ethnic Categories in the Viceroyalty of Peru. Journal of Latin American Studies, 1994, № 26, P. 325–346.
8. Rutledge M. D. Social Darwinism, Scientific Racism, and the Metaphysics of Race. The Journal of Negro Education, 1995, Vol. 64, № 3, P. 243–252.
9. Jahoda G. Towards Scientific Rasism. Race and Racialization: Essential Readings. Edit. By Carl E.J. Toronto, Canadian Scholar's Press Inc, 2007, P. 24–31.
10. Alaev L. B. Vostokovedenie, evropocentrizm, orientalizm i civilizacionnye cennosti [Orientalism, Eurocentricism, Orientalism and Civilizational Values]. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN [Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS]. 2018, № 1, P. 30–37.
11. Pleshchin'ski A. Slavjane v nemeckoj literature XIII v.: problemy vosprijatija [Slavs in German Literature 13 century: Problems of Perception]. Transl. by A. E. Alimov. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2018, №23, P. 42-70.
12. Vul'f L. Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment]. Transl. by I. Fedjukin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, 560 p.
13. Nettle Paul. Mozart in Bohren, neubearbeitete und erweiterte Ausgabe von Rudolf Freiherrn von Prochazkas Mozart in Prag [Mozart in Bohr, revised and expanded edition by Rudolf Freiherrn by Prochazkas Mozart in Prague]. Prague, Verlag Neumann, 1938, 378 p.
14. Rossija XVIII v. glazami inostrancev [Russia 18th Century by Eyes of Foreigners]. Ed. by Ju. A. Limonov. Leningrad, Lenizdat, 1989, 535 p.
15. Batjaeva T. A., Gor'kovskaja Z. P. Konteksty vosprijatija strany inostrancem, prebyvajushhim v Rossii v carstvovanie Ekateriny II [Contexts of Perception of a Country by a Foreigner Residing in Russia in the Reign of Catherine the Second]. Obrazovanie v istorii, istorija v obrazovanii. Materialy konferencii

(Novosibirsk, 13-15.04.2011) [Education in History, History in Education. Conference Proceedings]. Novosibirsk, NSPU publ., 2011, P. 259–264.

16. Onore de Bal'zak *Sobranie sochinenij v 24 tomah* [Collected Works in 24 Volumes]. Transl. by M. Lind. Moscow, Pravda, 1960, Vol 18. *Krest'jane* [Peasants], 606 p.
17. Gunjakova I. V. *Zapiski U. Koxa kak istochnik po istorii Rossii XVIII v.* [W. Coxe's Notes as a Source on the History of Russia of the 18th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2007, № 304, P. 98–101